

**«Своим трудом в историю вошел»
Наш знаменитый земляк –
Мирон Дмитриевич Дюканов –
организатор стахановского движения**

Говорят, детство - самая счастливая пора в жизни человека. А в душе при воспоминании о детстве поднималась жгучая обида за постоянный голод, за отрепье вместо одежды, за удушенный нищенством смех...

Мать свою Миронка помнил смутно. Она умерла, когда ему не было и 5. То ли от тифа, то ли от оспы, а может, и холеры - никто не знал определённо. Тяжело было отцу с тремя детьми, и в доме скоро появилась мачеха.

Нельзя сказать, что она была злой, обижала хлопцев, но мачеха, как говорится, даже если гладит пасынка, то против шерсти.

Парни росли невымытые, оборванные, голодные. Где уж было думать об учёбе. От зорьки до зорьки - по лугам, топям с арапником - за коровами. Никто Мирону, разумеется, и за это не платил ни копейки, лишь кормили по очереди во всех дворах. Вынесут миску щей да ломоть хлеба, подкрепится он, сидя на завалинке, - и снова за кнут. От весны до глубокой осени бегают за скотиной. Часто, положив лохматую голову на грязные колени, вслух мечтали братья о жёлтеньком хлебе, вареных яйцах, почему-то непременно крашенных, как на пасху, и сладких яблоках.

Всем сердцем потянулся Мирон к Советской власти, поэтому и стал борцом революции. 19 лет было ему, когда оставил он хотя и неприветливое, но родное село Кувшиновку и пошёл воевать против Деникина.

Однажды в тревожную грозовую ночь послали Дюканова в разведку. Он пробрался в лагерь деникинцев, разузнал всё, что требовалось, а затем вывел из строя 2 вражеских орудия и прикатил в своё распоряжение пулемёт «Максим».

О его отважной вылазке заговорил весь полк.

Под Царицыном Мирон, уже опытный разведчик, снова получил нелёгкое задание - привести «языка», желательного офицера, который мог бы знать ближайшие планы командования Добровольческой Армии. Однако на сей раз, удача изменила Дюканову. Правда, офицера он выследил и перед рассветом захватил его - тщедушный усатый поручик возвращался после ночной попойки, как он объяснил, в «свою хату», чтобы немного поспать перед наступлением, - но перебраться с ним через цепь густо расставленных патрулей не удалось, было уже слишком светло.

Мирон попал в руки беляков.

Весь израненный, окровавленный, распухший от зверских побоев, -пришёл в сознание в глубоком холодном подвале. С большим усилием опёрся на локоть, потом сел, попробовал подвигать ногами. Как только послышался шорох соломы, дверь в погреб отворилась, и туда вбежали несколько охранников.

- А-а-а-а! Завопили они, снова наваливаясь на свою беззащитную жертву. А как-то утром спустились в подвал вооруженные солдаты в погонах и черных папахах, швырнули в лицо Мирону окровавленную одежду и коротко приказали: • Одевайся!

Подталкивая пленного дулами револьверов и прикладами винтовок, ввели его наверх. Он зажмурился - ярко светило ласковое осеннее солнце, с облегчением, хотя и с тоской в сердце подумал: «Наконец-то кончились муки».

Вскоре увидел большую группу таких же избитых, полуголых побратимов. Их сводили отовсюду, в одну сторону, где садилось солнце, погнали. Конвоиры в сёдлах, пленники пешком, бессильные, измученные, едва живые. Падали и умирали в пути, сходили с ума от мук и жажды. Четверо суток тянулась цепочка смертников через Сальские степи, с каждым днём становилась всё реже.

В Ростове-на-Дону тех, кто выжил загнали в темницу. Не расстреливали их деникинцы только потому, что сами бежали от красных.

Возвратился Дюканов после гражданской войны в Кувшиновку возмужалым, широкоплечим, с седыми прядями в чёрных волосах. Хмурым, неразговорчивым сделала его жизнь. Но не убила она в нём нежную душу, любовь к людям. Любая девушка готова была пойти с Мироном, как говорится, на край света. А ему пришлось по сердцу такая же, как он сам, полу сирота, беднячка, тихая, трудолюбивая Мария, жившая по соседству.

Через лето сын у них родился - Васек. А достаток не приходил. Семья едва перебивалась с хлеба на квас. Посоветовался Мирон со старшим братом Терентием, да и махнули они вместе в Донбасс.

С тех пор и стала шахта «Центральная - Ирмино» для Мирона Дюканова роднее родной. Она его и кормила, и одевала, и в люди вывела. Шесть лет работал забойщиком. Квартиру дали, в партию приняли, избрали парторгом участка. Ещё 3 детей в их семье родилось, и все они были одеты, обуты и накормлены.

Затем послали Мирона в школу партийного актива в Чистяков. С жадностью изучал полуграмотный шахтёр - коммунист давно манившие его науки, дни просиживал над книгами, учебниками.

Через 2 года, когда вернулся в Ирмино уже Мироном Дмитриевичем, назначили его парторгом ЦК ВКП(б) на шахте «4 - 2 бис». А вскоре перевели его на Лисичанскую шахту «Золотое», которую надо было вытягивать из прорыва. И вытянул. Только сам почернел от забот и лишений, вновь незаметно пришедших в семью.

Детей у них с Марией было четверо, зарабатывал теперь Дюканов значительно меньше, чем когда был забойщиком. А тут ещё тяжёлый 33-й. Еле - еле перезимовали. Плакала, обидно корила мужа Мария Михайловна за то, что бежал от счастья, оставив шахту «Ирминская» и что слишком честен, всем помогает, кроме своей семьи, родных детей, которые живут в голоде да в холоде.

Не выдержал Мирон Дмитриевич, написал заявление в ЦК с просьбой отпустить его снова в забой на ту шахту, где начинал он свой горняцкий путь. Со всей откровенностью описал он беду свою - и человека поняли. К тому же, наверное, рассудили: такие коммунисты, как он, одинаково нужны везде, особенно на такой передовой линии трудового фронта, как забой. Так и вернулся Дюканов на свою шахту, даже на свой участок «Никанор -Восток», и опять с удовольствием начал рубить отбойным молотком уголь. А на первом же отчетно-выборном собрании коммунисты участка, как и прежде, избрали его своим партийным организатором.

Со Стахановым познакомился там же, на шахте. Потом подружились, к тому же неожиданно земляками стали. 13 июня 1934 г. в печати было опубликовано постановление ВЦИК об образовании Курской области.

Стаханова раньше считали орловчанином. Он был уроженец деревни Луговая неподалёку от города Ливны. По новому административному делению Луговая вошла в Измалковский район Курской области. Теперь друзья по праву считали себя земляками.

Мирон Дмитриевич ценил и по-мужски любил Стаханова за неподдельную чистоту души, трудолюбие, почти детскую непосредственность. Когда он смотрел в бесхитростные серые глаза Алексея, у него появлялось желание сказать этому забойщику что-нибудь хорошее, тёплое, расспросить о жизни, в чём-то утешить, поддержать. Совсем недавно они долго с ним беседовали, идя со смены по штреку, и по пути домой. Дюканов повёл с Алексеем речь о том, что такие трудяги, такие не обкатанные жизнью честные люди очень нужны партии, что они - её основная опора и надежда. Стаханов расцвёл душой от тех слов, попросил записать его в сочувствующие и дать какое-нибудь партийное поручение. Мирон Дмитриевич посоветовал ему научить двух новеньких молодых забойщиков рубить уголь так, как умеет он сам, и ещё попросил собрать у добровольцев взносы на сооружение эскадрильи самолётов.

Стаханов собрал полторы тысячи. Принёс в партийный комитет.

Дюканов долго смотрел вслед уходящему Стаханову, наконец, задумчиво произнес: - Сколько в нём настоящей русской совести!.. И не святоша, но какой надёжный человек!

И именно Стаханову поручают «попытать счастья», как лучшему забойщику шахты; рассчитать, по минутам всё разложить: сколько уходит на работу молотком, на крепление, подноску леса. Стаханов спустился в лаву, засёк время и, не теряя ни минуты, подключил молоток к пневматической линии, чтобы сразу начать зарубку.

И вдруг со всей ясностью понял: забойщик призван делать своё дело - добывать уголь, а крепить за ним должен кто-то другой. Иначе быть не может! Новый механизм требует чистой профессии добытчика. Он - мастер своего дела!

«Да ведь так я не 60 и даже не 80, а свободно 100 тонн нарубаю!» - хотелось крикнуть Алексею на весь штрек, на всю шахту.

Он немедленно пошёл к парторгу, чтобы изложить ему свои расчеты и суждения.

И решено было пойти на рекорд в ночь на 31 августа 1935г.

Нельзя, конечно, сказать, что Алексей шёл на ту смену, которой суждено было перевернуть, изменить всю его жизнь, всколыхнуть всю страну, так же спокойно, как ходил ежедневно на обычные смены. Никак нельзя. Ждал он её с трепетом сердца, с неведомым ему ранее волнением, несколько раз бегал на шахту, чтобы встретиться со своими будущими крепильщиками, промыть и смазать молоток

Поднимался Стаханов на поверхность уже знаменитым. Мировой рекорд был установлен. За смену нарубил он 102 тонны угля. 14 норм.

Первым обнял и по-братски потрепал Алексея по плечу Мирон Дюканов, пришедший к стволу после заседания парткома. Он был в рабочей спецовке, поэтому не боялся вымазаться о робу Стаханова.

- Молодец, друже! Вот это хватка!

И вдруг до слуха Дюканова донеслись злобные, точно змеиное шипение, голоса:

- Думают, мы - лопухи: что нам скажут, в то поверим... Пыль в глаза пускают.

- Клянусь по - ростовски, приписали, сколько захотели.

- Для того и в шахту полезли ночью, чтоб никто не сказал: «Не валяйте, мол, Ваньку, мы видели».

Мирон Дмитриевич оглянулся, увидел лица. «Совести у вас нет», - сказал укоризненно.

Сразу же собрали митинг, на котором решено было развернуть соц. соревнование на лучшего забойщика по участкам.

«Не боги горшки обжигают. То, что сделал Стаханов доступно каждому забойщику. Он доказал, что напорист и стоек, десятерых стоит. Если вы изучите опыт своего товарища, то свободно повторите его рекорд, а может, и превзойдёте его. Я готов сейчас же записать всех, кто изъявит желание проявить шахтёрскую доблесть».

И тогда раздался голос Мирона Дюканова: «Записывай меня первым!» Проводить Мирона Дюканова в шахту пришёл, конечно же, Алексей Стаханов. Вместе шли к клетки - один в шахтёрской амуниции, с коногонкой в руке и отбойным молотком на плече, другой в сером нараспашку пиджаке. Алексей давал своему старшему товарищу наставления: как рассчитать силы на всю смену, как лучше проскочить породный прослой в пятом уступе, после какой полоски можно «пересапнуть», даже как лучше держать молоток, чтобы он не слишком рвал руки. Мирон Дмитриевич слушал его внимательно, с благодарностью кивал головой.

У клетки остановились.

- Ну, Мирон Дмитриевич, - крепко сжал руку Дюканова Алексей, - ни пуха, как говорится, ни пера!

- К чёрту! - по-дружески толкнул его тот под бок и спросил с улыбкою, - Не обидишься, если твой счёт перекрою?

- О чём речь! Счёт дружбы не стоит.

За смену Мирон Дюканов отбил 115 тонн угля. А через 2 дня шахтёр Дмитрий Концедалов перекрыл и этот рекорд, отбив за смену 125 тонн угля.

Газета «Правда» посвятила рекорду передовую статью «Советские богатыри» и подзаголовок её звучал: «Рекорды забойщиков Донбасса Стаханова и Дюканова».

«Наш пламенный привет вам, товарищи Дюканов и Стаханов! Вами по праву может гордиться не только Донбасс, но и вся страна. Вы своей изумительной работой доказали, как замечательно советский отбойный молоток крошит угольный пласт, когда им управляют опытные и крепкие руки мастеров... Шахтёры Донбасса! Поучитесь у товарищей Стаханова и Дюканова, как надо выжимать из новой техники всё, что она в состоянии дать. Следуйте их блестящему примеру...»

Секретарь обкома партии говорил: «И Алексей Стаханов и Мирон Дюканов - скромнейшие труженики. Ни один из них не ставил перед собой цели выделиться из шахтёрской среды, прославиться, но, тем не менее, они принесли славу всему нашему Донбассу, потому что уже сегодня многие труженики во всех уголках Родины начали работать по - стахановски. Вы, ирминцы, имеете полное право гордиться тем, что положили начало большому соревнованию, которое, я уверен, выявит сотни новых героев труда!..»

И слова эти оказались пророческими: по всей стране развернулось стахановское движение. В Москве был учреждён Совет при НК для рассмотрения важнейших вопросов развития тяжёлой промышленности. В состав Совета вошли Иван Гудов, Никита Изотов, Александр Бусыгин, Алексей Стаханов и Мирон Дюканов, который стал парторгом ЦК ВКП(б) на шахте «Центральная -Ирмино».

14 ноября 1935 г. в Москве было проведено всесоюзное совещание стахановцев, на котором Дюканов выступал с яркой речью. Когда Дюканов стал рассказывать о работе

своего участка и отметил, что им очень помогло разделение труда забойщиков и крепильщиков, Генеральный Секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин бросил одобрителную реплику: «В этом суть».

Так росла известность человека, который не только работал рядом с Алексеем Стахановым, но и являлся его партийным наставником.

Советское правительство высоко отметило инициаторов движения, наградив их орденами Ленина (Стаханов, Дюканов, Концедалов, парторг шахты Петров) и орденом Трудового Красного Знамени начальника участка Машурова.

1 мая 1936 г. Мирон Дюканов был в составе почётных гостей на первомайском празднике в Москве.

Он был полон впечатлений от парада на Красной площади, от встречи на совещании последователей Стаханова, с НК тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе.

В запасе оставалось ещё несколько свободных дней, и Дюканов решил навестить родные места, посмотреть, как живут земляки-куряне.

Районная газета «Колхозное знамя» широко освещала это событие

В родное село.

6 мая в Медвенку приехал наш знаменитый земляк уроженец с. 2 - ой Рождественки орденосец - стахановец Мирон Дмитриевич Дюканов.

- Несколько лет не был на родине, захотелось посмотреть, как живут люди, как строят колхозное хозяйство, - говорит Дюканов.

Прежде всего, М.Д. Дюканов поехал в колхозы Сталинского с/с, широко развернувшие стахановское движение.

В колхозах им. Сталина и «16 партсъезд» Дюканов обошёл все конюшни, животноводческие фермы и мастерские, внимательно осматривая колхозный скот, расспрашивая о его породе, возрасте, об уходе за ним.

В каждой мастерской, правлении колхоза, на ферме, словом везде, где собиралось несколько колхозников, Дюканов проводил с ними оживлённую беседу, вспоминая прошлое, расспрашивая о новой жизни.

Он хвалил сталинцев за хорошую работу в колхозе и в то же время указывал на недостатки, главным из которых является слабая культурная работа и недостаточная борьба самих колхозников за культурный рост. Вечером, по случаю окончания сева ранних зерновых и технических культур по Сталинскому с/с в клубе колхоза им. Сталина состоялось торжественное собрание лучших стахановцев всех колхозов с/с. Дюканов, встреченный бурными аплодисментами, выступил на этом собрании с речью.

7 мая Мирон Дмитриевич выехал в родное село – Рождественку

Колхозное знамя № 52. 10 мая 1936 г. Орденосец М.Д. Дюканов в родном селе.

Утром 7 мая М.Д. Дюканов вместе с представителями районных организаций и газеты «Курская правда» выехал в своё родное село 2-ю Рождественку.

По дороге заехали в Чермошнянский с/с. Дюканов расспрашивал председателя с/с Придворова и председателя культсекции с/с учителя Сибилова о ходе сева по совету, выполнении государственных обязательств, развёртывании массовой культурной работы в колхозах. Интересуется оценкой труддня и ростом материального обеспечения колхозников.

Работайте по - стахановски.

В с. Чермошном произошла первая встреча товарища Дюканова с родственниками и знакомыми. Начались вопросы о жизни в Донбассе, рассказы о достижениях и недостатках в работе и жизни колхоза им. Молотова.

- С севом затянули. Больно мало тягла, а земли уйма.
- Ишь ты, - смеётся Мирон Дмитриевич, - земли вам много стало. А забыли, как за землю дрались? Теперь надо биться за то, чтобы работать на ней стахановскими методами, чтобы доходы в колхозе больше были.
- Да уж и то за ум взялись, - весело поддакивают колхозники. - Лошадей растим. Нынешний год 29 жеребят у нас, а в прошлом 13 было. А если 34 год взять, то у нас всего 1 жеребёнок был и того волк прямо на конюшне зарезал.

Идите в колхоз.

Из Чермошного поехали в Кувшиновку 2 Рождественского с/с на усадьбу, принадлежавшую раньше Дюканову.

- Сколько тут труда было положено, сколько горя выпито, - вспомнил Мирон Дмитриевич, обходя развалины своей маленькой самановой избушки. - Сам ведь хату строил, сам глину ногами толоч и кирпичи делал.

- А там, внизу, в конце усадьбы рощица у меня маленькая была насажена. Сейчас уже много ракут порублено.

Дальше Дюканову не дали говорить. Его окружила толпа взрослых, молодых и детишек - колхозников и единоличников-односельчан. Посыпались радостные приветствия, взаимные расспросы, шутки, воспоминания.

- Мирону Митричу! Давно не видались. Большим ты человеком стал, как от нас уехал.

- А помнишь, как мы с тобой в экономию работать ходили?

- А как вот эти ракуты сажали. Да ночами их от потравы караулили. Да как одна кулацких лошадей с потравы загнали?

- А как в Красной армии вместе бились, помнишь?

- Дайкось на тебя поближе поглядеть. Ну такой же и есть, как был. Бывалоча вьюга, буря, а ты босиком с печки соскочил и к колодцу с ведром за водой.

- Талан-судьба тебе Мирон Дмитриевич. Знатный человек ты стал. А ведь с нами вместе рос, да не победнее ли всех был то? Вон «имение» то твоё (развалены хаты) само за себя говорит.

Отвечая на вопросы и шутки, Дюканов сам расспрашивал о жизни, о старых и малых, о том, кто и почему не вступил в колхоз, у кого что прибавилось в хозяйстве, как идёт сев в колхозе «Путь Ленина».

- Чего вы ждёте от единоличной жизни? Почему в колхоз не идёте? -

Упрекает он многих знакомых.

В «Зелёной степи».

Больше часу идёт оживлённая беседа. Колхозники поднимают, между прочим, вопрос о том, чтобы на месте хаты Дюканова построить клуб его имени. Трудовое участие возьмёт на себя колхоз, средства надо попросить у района и области. Это предложение было одобрено всеми присутствующими.

Затем Дюканов отправился посмотреть колхозные поля.

Побыл в колхозе «Зелёная степь», где также встретился со старыми знакомыми. Порадовался зажиточной жизни колхозников «Зелёной степи» и особенно тому, что в колхозе на каждые 10 дворов приходится велосипед и на каждые 6 - гармоника. Похвалил колхозников за своевременно и очень хорошо по качеству проведённый сев ранних зерновых и технических культур.

Потом заехал к старикам-родственникам.

Вечером в здании III Рождественской НСШ по случаю приезда М.Д. Дюканова состоялось собрание колхоза «Путь Ленина» вместе с ударниками и руководителями других колхозов сельского совета.

- Когда эта школа строилась, я на неё лес возил, - вспомнил Мирон Дмитриевич, - а самому учиться не пришлось. До 29 лет оставался неграмотным. Только как в партию вступил - учиться начал.

Равняйтесь на сталинцев.

Рождественка не помнит таких собраний. Тесно «в набивку» стояли люди в классе, в коридоре, в сенях школы. Дружными аплодисментами приветствовали они своего земляка-орденоносца. Впивались в его лицо сотни глаз. Ловили каждое слово, когда он выступал с речью, рассказывал о том, как живут сейчас шахтёры, какие крупные изменения встретил он в жизни колхозного крестьянства Медвенского района. Он призывал колхозы Рождественки учиться работе и организации у колхозов Сталинского с/с, насчитывающих в своих рядах уже сотни стахановцев. «Работать по - стахановски, строго выполнять колхозный устав - вот сейчас главная задача каждого колхозника, это основной путь к зажиточной жизни», - говорит Дюканов.

М.Д. Дюканов - член колхоза «Путь Ленина».

Когда Дюканов заявил о своём желании вступить в члены колхоза «Путь Ленина», это заявление встретили бурными аплодисментами. Невольно, в объединившем всех порыве, за приём Мирона Дмитриевича в члены колхоза подняли руки все, кто был на собрании и колхозники других колхозов, и служащие - не члены колхоза и единоличники.

После собрания здесь же в школе по инициативе колхозов «Пути Ленина» был организован в честь М.Д. Дюканова ужин, на котором участвовали также лучшие ударники других колхозов.

После ужина, несмотря на позднее время, долго ещё не расходились. Пели вместе с Мироном Дмитриевичем партизанские песни, расспрашивали его о стахановском движении, о первомайском торжестве в Москве.

Утром 8 мая Дюканов выехал в Курск, побыл на приёме у секретаря обкома ВКП(б) И.У. Иванова и председателя облисполкома П.С. Царёва и 9 мая выехал в Донбасс.

Перед отъездом из Медвенки Дюканов попросил через районную газету предать ещё раз его горячий привет землякам - всем колхозникам Медвенского района пожелание - быстрее, лучше, по - стахановски справиться с севом и со всеми полевыми работами и добиться высокого урожая всех культур.

Мы, пятисотенцы, не свернём со стахановского пути.

Речь товарища Парахиной С.С. на межколхозном собрании Рождественке 7 мая.

Мне хочется рассказать дорогому гостю товарищу Дюканову, как мы, колхозницы, сейчас работаем. Мы тоже включились в стахановское движение. У нас в «Зелёной степи» все 9 звеньевых по сахарной свекле пятисотенцы и шестисотенцы. Кроме того, мы берёмся дать по 20 центнеров с 1 га по подсолнуху и зерновым. И призываем других колхозниц драться за урожай свеклы и других культур до победы.

На 1 мая, я была в Курске на параде. Видела силу и мощь нашей Красной Армии. И чтобы ещё сильнее и непобедимее была наша родная Красная Армия, я призываю всех колхозников крепить оборону упорным трудом на колхозных полях и изучать санитарное дело.

У нас, колхозниц-стахановок, не мало врагов. Всеми силами стараются они затормозить нашу работу, заставить нас свернуть со стахановского пути. Это им не удастся. Мы не свернём, не отступим не на один шаг. Выполним свои обязательства. И я надеюсь и обещаю, что не только в Курске побываю ещё, но добьюсь счастья увидеть самого товарища Сталина.

С осени 1936 г. Дюканов уже секретарь Кадиевского горкома партии, затем начальником комбината «Ворошиловградуголь», был в числе делегатов на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов, участвовал в работе XVIII партийного съезда. В 1939 г. его пригласили в Промакадемию. Закончить её Дюканов не успел. С началом войны он вместе с семьёй возвратился в родной посёлок и возглавил свою добрую «Ирминку».

Писал Дюканов заявления в военкомат, в городской, а затем в областной комитет партии с одной просьбой: направить его в действующую армию. И не только письменно обращался, но и сам пороги обивал. Дошло до того, что первый секретарь обкома партии Антон Иванович Гаевой, собрал рвущихся на фронт, отругал их, убедив, что здесь на Донбассе, тоже передний край, тоже фронт, не менее важный и трудный, чем там, где гремят пушки, и что партии виднее, кто, где может принести больше пользы для дела победы.

И всё же через некоторое время Дюканов получил повестку. Его направили полковым комиссаром в дивизию, сражавшуюся под Калининым. А уже в ноябре 41-го принесли домой похоронку и письмо М.И. Калинина, пришедшее на шахту. Всесоюзный староста выражал глубокое соболезнование вдове и описывал обстоятельства смерти Мирона Дмитриевича. В одном из жестоких боёв, когда Дюканов повёл за собой бойцов полка в решительную контратаку, фашистская пуля угодила ему в живот. Трое суток боролись хирурги армейского госпиталя за жизнь комиссара, но, несмотря все принятые меры, он, не приходя в сознание, скончался. Похоронен Дюканов у села Рамишки Калининской области.

После смерти отца добровольцем ушёл на фронт и старший сын Василий. Погиб в 1943 году.

На Волге назвали пароход «Мирон Дюканов», команда слала деньги вдове - Марии Михайловне.